

Слово о Герцене.

(Вступительное слово на Международной конференции
«Герцен и исторические судьбы России»,
Москва, 20 июня 2012 г.)

«Почему Герцен?» - может задать вопрос всякий, кто знаком с философской жизнью России последних десятилетий. Ведь Герцен, начиная, пожалуй, с конца 80-х годов, но совершенно определенно в новых условиях постсоветской России фактически выпал из поля философских, даже шире: интеллектуальных исследований и дискуссий. Его имя, публикации о нем, издания его произведений, апелляции к его творчеству были все эти годы малочисленны и случайны. Так неужели только формальный повод юбилея побудил нас вспомнить это уже почти забытое имя? Не только. Для этого существуют также важные содержательные причины, связанные с философским анализом нашего прошлого и будущего. Отсюда – и название конференции: «Герцен и исторические судьбы России».

Действительно, в последние десятилетия мы молчали о Герцене. Но вот что примечательно: Герцен не был преодолен, отвергнут, не был даже намеренно забыт, он просто выпал из поля зрения. Он как бы попал в слепое пятно. Я думаю, что это было связано с двумя основными взаимосвязанными причинами. Во-первых, с тем, что в советские годы творчество и деятельность Герцена преломлялись преимущественно, даже исключительно, сквозь призму статьи В.И. Ленина «Памяти Герцена» и официальная советская историография канонизировала его как предшественника марксизма в нашей стране. Вторая причина состояла в том, что Герцен был убежденным и последовательным противником царской России, одним из тех, с кем последняя целенаправленно боролась и чьи произведения запрещала. Герцен, что называется, попал под раздачу слонов: на него автоматически распространилось господствовавшее в эти годы отношение к марксизму и к царскому режиму. Он не заслуживал позитивного внимания как идейный союзник первого и как идейный противник второго.

Насколько, однако, адекватно такое представление о Герцене и, самое главное, насколько оправданна, продуктивна та идеологическая схема, в рамках которой затерялось его имя? Сегодня этот второй вопрос звучит почти риторически. Если не официальные власти, то, по крайней мере, общество в своих основных, социологически фиксируемых настроениях, а отчасти даже наше интеллектуальное сообщество осознали, сколь примитивной и разрушительной была и остается бездумная смена идеологических приоритетов и оценок с плюса на минус. Кажется, время переименований и время пустых надежд решать проблемы

переименованиями проходит. Одним из знаков этого является внимание к Герцену.

Взглянуть на Герцена, его творчество и деятельность более объективно и всесторонне, чем это делали его друзья и противники в предшествующие эпохи, взглянуть современным взглядом, обогащенным идейным опытом XX века, заново определить его место в драматической истории духовного развития России – так можно было бы прежде всего определить задачу, объясняющую и оправдывающую актуальность нашей конференции. Но это лишь первая задача, первая и не самая трудная и даже, я бы сказал, не самая главная.

Сегодня важно не только и не столько, что мы думаем о Герцене, более существенно узнать, что он думает о нас, о сегодняшней России, благу и будущему которой он посвятил свою жизнь. Важно выявить те общественные проблемы, которые были интеллектуальным вызовом Герцену и удивительным образом остаются таковыми также для нас, и искать ответы на них с учетом, глубокой проработкой того, что мы находим в его трудах и в его жизненной позиции. Мы можем, мы должны говорить о неусвоенных уроках Герцена. Существует умственная процедура, состоящая в том, чтобы взглянуть на некую современную проблему глазами мыслителя прошлого, попытаться ответить на вопрос, что бы об этом сказал, например, Кант. Не знаю, насколько она оправданна, но в данном случае я говорю об ином. Я не призываю помыслить за Герцена, поиграть в игру, что сказал бы Герцен. Нет, речь идет о том, чтобы обратиться к тому, что он действительно сказал о наших сегодняшних проблемах, как он на самом деле мыслил их. Это означает, что сами эти проблемы надо рассматривать в их исторической основательности и философской сути, в том виде, в котором их анализировал уже Герцен. Конечно, Россия сегодня, другая, не герценовская, но в чем-то, и не только во второстепенных вещах, но в неких глубинных ментальных структурах и общественных противоречиях она все та же.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, говоря о неусвоенных уроках Герцена, заключается в том, что он был тем человеком, который своей личностью и своим творчеством, если брать последнее в противоречивой целостности, соединял противоположные идейные и политические течения. На нем сходились, могли сходиться разрывавшие Россию надвое партии славянофилов и западников. Николай Васильевич Гоголь в письме П. Анненкову от 07.09. 1847 г. писал о Герцене: «О нем люди всех партий отзываются как о благороднейшем человеке». Слова «всех партий» Гоголем были подчеркнуты. Гоголь понимал своей русской душой, сколь губительным для отечества является раскол на враждебные партии. Понимал это и Герцен, говоривший, что Россия бритвою Петра была разрезана на две части, и понимавший, что необходимо восстановить целостность национального существования. Но как, на какой основе?

Отвечая на этот вопрос, хочу обратиться к мнению другого великого его современника – Виссариона Григорьевича Белинского. Белинский был вторым, наряду с Герценом (возможно, их и было то всего двое) из круга

мятежных русских интеллектуалов, в любви и уважении к которому сходились враждующие партии. Белинский хорошо понимал Герцена, он писал ему (письмо от 06.04.1848 г.): «У тебя талант и фантазии ушли в ум, ... осердеченный гуманистическим направлением». Ум Герцена был западный, европейский. В этом нет никакого сомнения: ум его был ясно, последовательно западный, европейский. Но сердце его было русским. Обладая огромным интеллектуальным потенциалом и широкой образованностью, Герцен не изменял своему уму, он следовал логике и истине европейского просвещения. Но суждения ума он выверял своим русским сердцем. Осознание и признание самобытности и ценности национального бытия было для Герцена безусловным приоритетом, тем историческим жизненным началом, внутри которого и во имя которого имеет смысл напрягать ум и вести политическую борьбу. Не знаю, кто ввел выражение «русский европеец», но к Герцену оно относится в полной мере. Русский европеец – не то же самое, что, например, европеец-француз или европеец-англичанин. Да, Герцен был европейцем, но **русским** европейцем, он не изменял своей русскости, чтоб быть европейцем. Да, он был русским, но русским **европейцем**, он не изменял своей европейскости, чтобы остаться русским. Он хотел, чтобы Россия стала европейской в такой же мере, в какой хотел, чтобы и Европа стала российской. Он не хотел быть бессердечным из-за своей европейскости, и не хотел быть внерациональным из-за своей русскости.

Здесь, на мой взгляд, кроется тайна Герцена: и его особой объединяющей роли в русском революционном движении и противоречий его мировоззрения. Мы знаем и помним, что в России были славянофилы и были западники. Но мы забываем, что в России был еще и Герцен.

О том, как воспринимался Герцен в образованном русском обществе и каким трепетным было отношение к нему, свидетельствует такой факт (о нем я прочитал в статье А.В. Крейцера «Осердеченный ум Герцена» в журнале РГПУ им. Герцена «Универсум», № 1, за 2012 год). Двоюродный брат Герцена и талантливый фотограф С.Л. Левицкий сделал фотографию Герцена в технологии дагерротипии. Герцен в свободной позе сидит на кресле, рукой охватил лоб, а локтем облокотился на стол с листами рукописи. Художник Н. Ге в картине «Тайная вечеря» изобразил Христа в позе, близкой к позе Герцена на той фотографии. Портретное сходство было узнаваемым и цензура запретила воспроизводить картину Ге. Ассоциация с Иисусом Христом (при том, что сам Герцен был человеком свободомыслящим) – это говорит о многом.

То, что делало близким Герцена представителям разных направлений, его стремление соединить западный ум с русским сердцем, было также источником противоречий в его мировоззрении. Сошлюсь на два примера.

Ленин считал Герцена родоначальником русского революционного движения XIX века, продолжившим дело декабристов. Его же считали и считают родоначальником русского либерализма. С первым утверждением не приходится спорить. Но не менее верно и второе утверждение. Идея

личности, её свободы - это прочное убеждение Герцена, вера, которой он никогда не изменял. Герцен, однако, не останавливался на индивидуальных свободах, реализуемых в узком круге привилегированных частей общества, существующих лишь формально, в качестве стартовых возможностей и т.д. Он связывал их с демократией, с освобождением народа, с его просвещением и человеческим развитием. Либерализм Герцена был глубоко демократичным, идея свободы личности была для Герцена мощнейшим аргументом в борьбе против сословного и имперского гнета. Насколько глубоко Герцен осознавал необходимость соединения либерализма с демократией, с освободительной борьбой, как далеко он был готов пойти во имя этого, показывает его позиция по отношению к Польскому восстанию 1863 года. Только человек, который не мыслит либерализм без демократии, который понимает, что свобода личности без свободы народа есть нечто столь же фальшивое, как «свобода» народа без свободы личности, только такой человек мог пойти на все риски для своего положения среди соотечественников, в том числе среди круга сподвижников, с которыми была сопряжена поддержка освободительной борьбы польского народа.

Отношение Герцена к мещанству – это вторая тема, которую я хотел затронуть, говоря об актуальности его философско-исторических взглядах. Герцен связывал мещанство с образом жизни буржуазных общественных слоев и с определенным нравственным выбором личности. Ему принадлежат заслуга или вина (кто как оценивает) того, что в русском общественном сознании социологическое понятие мещанства трансформировалось в этическое и приобрело негативный ценностный смысл. Сказать русскому человеку, что он мещанин, - значит, сказать о нем что-то плохое, оскорбить его. Под мещанством он понимал индивидуализм, ограничивающий общественное существование человека частными интересами, обрекающий его на скучный, однообразный, приземленный ритм жизни, лишенный внутренних порывов. Его критика и разочарование в западной цивилизации были во многом связаны с тем, что её мятежное, революционное начало нашло успокоение в мещанстве. «Неужели только народ, не способный к внутренней свободе, может достигнуть свободных учреждений», - писал Герцен в «Былом и думах» (гл. IX).

Герцен считал, что мещанство чуждо русской натуре и тот путь, который ведет к нему, неприемлем для России. В его романе «Кто виноват?», пафос которого, собственно говоря, и состоит в критике оупляющей мещанской среды, считающейся основной виновницей того, что мешает раскрыться личности, убивает подлинные её мысли и чувства, который всем строем повествования подводит к выводу, что виновато мещанство, мы находим, в частности, такое рассуждение: «Это существование маленьких патриархальных городков в Германии, пасторских домиков, семинарских учителей, чистые, нравственные и незаметные вне своего круга ..., но будто у нас возможна такая жизнь? Я решительно думаю, что нет; нашей душе невозможна эта среда; она не может утолять жажду таким жиденьким винцом: она или гораздо выше этой жизни, или гораздо ниже, - но в обоих

случаях шире. (СПб., 2010, С. 27). Обратной стороной критики мещанства стали для Герцена идеализация образа жизни и психологии крестьян (в том же романе главная героиня пишет в дневнике: «Не могу никак понять, отчего крестьяне нашей деревни лучше всех гостей, которые ездят к нам из губернского города и из соседства, и гораздо их умнее их, - а ведь те учились и все помещики, чиновники, - а такие все противные...»), в которой явно чувствуются руссоистские мотивы и которая впоследствии развернулась в утопию общинного социализма.

Не рассматривая подробно герценовскую критику мещанства и допуская возможность ее различной интерпретации, о чем, в частности, свидетельствуют взгляды по этому вопросу В.И. Иванова-Разумника и Г.В. Плеханова, следует все же признать, что она заслуживает самого пристального внимания и вполне сохраняет свою актуальность. Все мы знаем идею Макса Вебера о связи протестантского этоса и духа капитализма. А протестантский этос в том, что касается нравственного содержания, является классической, образцовой формой мещанства. Многие поняли Вебера, чему он и сам способствовал, так, что капитализм порождает протестантский этос и что торжество последнего в общественных нравах является условием успешного развития капитализма. В действительности между развитием капитализма и переворотом в общественных нравах, в силу которого господствующее положение вместо аристократического этоса занял мещанский этос, нет причинной связи. Это – два параллельных процесса, развивающихся по своим законам. В Западной Европе они по времени счастливым образом совпали. Протестантский (мещанский) этос существенно способствовал успеху капитализма. Возможно, именно он в нравственно-психологическом плане идеально подходит капитализму. Но из этого вовсе не вытекает, что торжество мещанского этоса является всеобщей закономерностью развития общественных нравов; возможно, это было уникальным событием европейской истории. И, конечно, является совсем неверным утверждение, будто развитие капитализма невозможно на иной нравственно-психологической основе. Опыт капиталистического развития стран латинской Европы, а также многих азиатских народов показывает, что это возможно. Раз так, то может и не следует урезать, обуживать широкую русскую душу для того, чтобы открыть дорогу капитализму. Пусть она остается широкой. Надо лишь стремиться к тому, чтобы, говоря словами Герцена, она обнаруживала свою широту в определенном направлении - была выше мещанства, а не ниже него.

Эти две темы, две проблемы, над которыми билась мысль Герцена и которые были центральными для него, а именно, как либерализм с его идеей свободы человека дополнить демократией с его идеей коллективной воли, как буржуазный путь развития соединить с антимещанским строем русской ментальности, остаются злободневными темами для наших дней. Пример этих тем показывает, насколько актуален для нас Герцен и насколько важно

вернуть его в круг наших теоретических поисков и общественных дискуссий.
Не пришел ему ещё срок покоиться в архиве.